

«Покорна я одной господней воле...»

Светлана МАГИДСОН

Ты, росой окропляющий травы,
Вестью душу мою оживи —
Не для страсти, не для забавы.
Для великой Земной Любви.

Так писала великая русская поэтесса Анна Андреевна Ахматова в молодые годы, когда целые поколения читателей учились у неё любить. Учились понимать, что любовь — это почти божественная наука.

Её первый муж, Николай Гумилёв, увидел её 24 декабря 1903 года. Она шла за покупкой игрушек для рождественской ёлки. Как пушинка лёгкая, грустная, задумчивая. Он был очарован этой четырнадцатилетней девочкой, её трагической красотой и неземной хрупкостью.

Семь лет длился их безумный роман. Анна Андреевна то приближалась к нему, то снова удалялась. А он мучился, не мог без неё жить. Несколько раз пытался покончить с собой. Это было, когда он жил в Париже. После очередного отказа от предложения «руки и сердца» молодой Гумилёв, совершенно пав духом, отравился. И уехал в Булонский лес. Через сутки его нашли без сознания в глубоком рву. Узнав об этом от брата, жившего с Гумилёвым в Париже, Анна Андреевна прислала ему сочувственную телеграмму. Его поступок показался ей немного дерзким, но и — привлекательным.

Боль отказов, согласий и новых отказов капризной Ахматовой заставляли поэта оставаться в Париже и искать общества свободных женщин. Он познакомился с Елизаветой Ивановной Дмитриевой, подающей надежды поэтессой. Незаметно завязался роман, который тем не менее не произвёл существенного изменения в сердечном настрое Гумилёва. Иначе как понять его побег, именно в это время, в Нормандию, к морю — топиться?.. Летом 1909 года Гумилёв вместе с Дмитриевой едет в Коктебель. Неизвестно, что вызвало разлад между двумя поэтами, но ясно, что здесь определённую роль сыграла сама Дмитриева. Отношения Гумилёва с Дмитриевой и Волошиным обострились настолько, что привели к дуэли, которая, слава Богу, окончилась ничем. Но о Гумилёве стали говорить как о герое...

Услышав об этой странной трагической истории, Анна Ахматова поняла, наконец, какой смелый и странный человек Гумилёв... Как он бережно, по-рыцарски относится к женщине, как он чудно правдив, честен, беззащитен. Именно в это время (спустя четыре дня после дуэли) Гумилёв, приехав в Киев на поэтический вечер символистов, увидел в зале Анну Андреевну. Сразу после вечера они пошли в гостиницу, где он остановился, пить кофе. И она, почувствовав вдруг высокий градус его любви, загорелась сама. И дала окончательное согласие на брак. Три дня провёл Гумилёв в Киеве, не расставаясь с ней. А на четвёртый уехал в Одессу, оттуда пароходом в Африку. Ничего себе жених!..

У неё никогда не было прямого крика плоти, но всегда — поиск идеала, какого-то неземного очарования и невозможность найти его. Поэтому — страдания. Её сердце всегда искало гибели, а находило страдания. Все говорили тогда: Ахматова — мученица, а Гумилёв — изверг, садист. Это странно, вероятнее всего, всё было иначе. Но такова её роль в поэзии.

Гумилёв не понимал, как можно было печатать:

Муж хлестал меня узорчатым
Вдвое сложенным ремнём...

Он говорил, что отдавать публике такие стихи — отсутствие вкуса, дурной тон. Но она так вошла в роль мученицы и обиженной, что стала воспевать «себя, нелюбимую».

Отчего ушёл ты? Я не понимаю...

Немало легенд создала она в своих чудных книгах. Например, выдумала легенду о том, что была влюблена в своего «знаменитого современника с коротким звонким именем — Блок». . . Россия и по сей день верит в это.

И всё же Гумилёв любил одну-единственную женщину на свете — Ахматову. А она, разведясь с ним, стала женой его друга — переводчика с древнейших языков, учёного-востоковеда, историка Владимира Шилейко. Но и с ним продолжалась та же трагическая любовная игра. Обращаясь к Шилейко, она почти с первых дней заклинала:

От любви твоей загадочной
Как от боли в крик кричу,
Стала жёлтой и припадочной,
Еле ноги волочу...

Их связала страсть бурная, яркая. Вероятно, такую любовь, эротически сильную, с пламенным чадом ночей, но и высоко вдохновенную, Ахматова испытывала впервые. Но на самом пике любовных отношений Ахматова рассталась с Шилейко. Потому что покорной, как он хотел, быть не могла.

Тебе покорной? Ты сошёл с ума!
Покорна я одной Господней воле.
Я не хочу ни трепета, ни боли,
Мне муж — палач, а дом его — тюрьма.

Всё повторяется, потому что Ахматова прежде всего Поэт.

Я смотрю на фотографию Анны Андреевны 1926 года, глаза её просто необыкновенны: пророчица, сирена, победительница. А поза — какое изящество! Кажется, она счастлива: только-только вышла замуж за Николая Николаевича Пунина, известного искусствоведа, профессора-историка, крупного музейного работник...

Интереснейшего человека. Поселилась в квартире Пунина, где жила и его прежняя семья — жена, дочь. Так началась странная, но всё же прекрасная жизнь: была сильная любовь, было какое-то подобие дома, были постоянные разговоры о живописи, архитектуре, Пушкине, Данте, Рубенсе... Именно в это время Анна Андреевна много занималась архитектурой Петербурга, переводила письма Рубенса, написала книгу о нём... Пунин был красив, остроумен, необычайно образован, тонко и глубоко чувствовал искусство, был наделён отменным вкусом, юмором...

Вероятно, с ним ей было хорошо. Ведь оба были воплощением духа серебряного века, эпохи небывалого взлёта русской культуры...

Но она разошлась и с третьим мужем... Ей чудились и «ложь предавших губ», и «мёртвый холод глаз», и жестокость, и грубость мира, и долгое одиночество вдвоём... Снова разорённый дом... Что за судьба?

И была жизнь во все колокола...
И бешеная кровь меня к тебе вела
Суждённой всем, единственной дорогой.

Когда в середине 30-х годов Ахматова, утомлённая долгим расставанием с Пуниным, встретила понравившегося ей своей учтивостью талантливого учёного-медика Владимира Георгиевича Гаршина, племянника известного писателя, жизнь снова стала «бить во все колокола». Гаршин — коренной петербуржец, профессор Военно-медицинской академии, стал на несколько лет её другом. Она посвятила ему «Регину», прямо назвав его имя и фамилию, посвятила эпилог «Поэмы без героя».

Во время войны Гаршин, как военный врач, остался в осаждённом Ленинграде. Фаина Раневская, дружившая с Ахматовой и оказавшаяся вместе с ней в Ташкенте во время эвакуации, рассказала, как часто писала Анна Андреевна письма в Ленинград — «своему дорогому другу», как радовалась, когда приходили письма от него.

Весной 1944 года в составе первой делегации реэвакуированных писателей Ахматова прилетает в Москву. А в июне она, весёлая, помолодевшая, снова отправляется в Ленинград. Там её должен был встречать Гаршин, предложивший ей стать его женой.

...Поезд медленно подходил к перрону. Ахматова стремительно вышла из вагона, увидела высокого, стройного, во всём чёрном, несмотря на весну, мужчину типично профессорского вида, он снимал перчатки... Они не обнялись, он лишь почтительно поцеловал ей руку. Сказал: «Аня, нам надо поговорить». Минут десять они ходили по перрону. Потом он снова поцеловал ей руку. И ушёл. Анна Андреевна вернулась к вагону, спокойно сказала попутчиком: «Обстоятельства изменились, я еду к Рыбаковым!»

Было ясно, что Гаршин вычеркнул себя из её жизни. Она не любила говорить об этом. Но... Не простила его «драматическую выходку», поставившую её в такое глупое положение. «Вы не посчитались с моим именем», — сказала Анна Андреевна, когда на следующий день он пришёл к ней. «А я об этом не думал», — ответил он. Это окончательно взорвало Ахматову.

Лучше б я по самые плечи
Вбила в землю проклятое тело,
Если б знала, чему навстречу,
Обгоняя солнце, летела.

Этим острым четверостишием она навсегда поставила точку в своих отношениях с Гаршиным. В 50-е годы, после тяжёлого инсульта, он через друзей просил прощения у Ахматовой. Но она ничего ему не ответила.

Прожив жизнь, полную высокого трагизма и сильных чувств, Ахматова всегда стремилась проникнуть в тайну человеческого существования, в тайну любви. И каждый раз убеждалась, что настоящая любовь на земле эфемерна. Любовь соединяет двоих, но есть в ней та «заветная черта», которую не перейти ни страсти, ни влюблённости. Душа двоих, свободная и «чуждая медлительной истоме сладострастья», рвётся вверх, в небеса. Потому-то на земле любовь или невозможна, или большая редкость.

Но позвольте ей не поверить.

Осенью 1945 года в гости к Ахматовой совершенно случайно попал довольно известный на Западе дипломат Исая Берлин, служивший в американском посольстве в Москве. Историк литературы, переводчик, философ, лингвист, профессор Оксфорда, человек необычайно образованный, до глубины души любивший русскую поэзию, русскую речь. Именно он и был, как называла его Ахматова, «Человек из будущего», герой её «Полночного цикла», её «Сожжённой тетради» и «Посвящения» к «Поэме без героя»...

Впоследствии он вспоминал, что квартира её была скупо и бедно обставлена — старый письменный стол, продавленная тахта, старинный деревянный сундук, незажжённый камин... Над тахтой висел её портрет работы великого Модильяни. Темнело...

Медленно поднимается изящная дама в наброшенной на плечи длинной белой шали. Движения её неторопливы, держится она с поистине аристократическим достоинством. В её облике — какая-то скорбная суровость. Она кажется ему королевой в изгнании.

Торжественно подаёт ему руку, улыбается. Он отмечает красоту её маленькой руки. Вот она начинает читать стихи своим неповторимым, совсем низким голосом... Это были стихи из книги «Вечер», первой её книги. Она взяла книгу с полки и, протянув ему, сказала, что не любит этот сборник и эти стихи. А почему — это долгая история. Затем она читает терцины Данте, по-итальянски.

Их беседа то и дело отвлекалась от литературы и затрагивала детали личной жизни каждого из собеседников. И всё же... Веяло холодком от её царственной манеры держать себя. Исая Берлин чувствовал поначалу некоторую неловкость. Вдруг он услышал какие-то крики с улицы, в них ему почудилось его имя. Он поспешно подошёл к окну — и не поверил глазам: внизу во дворе, задрав голову, стоял сын Уинстона Черчилля Рандольф. Извиняясь, Исая Берлин побежал вниз, ничего не понимая. «Когда-то мы учились вместе в Оксфорде и с тех пор не виделись, — писал впоследствии Исая Берлин. — Не было сомнения, что за ним

следили. Его нельзя было допустить в дом Ахматовой». (Да уж, следили... На скамейке под окном сутками напролёт сидели милицейские в штатском.)

Спустившись во двор, он еле-еле увёл подвыпившего Рандольфа Черчилля в «Асторию». Здесь всё и выяснилось: виновата была переводчица, сообщившая Черчиллю адрес, по которому направился Исая Берлин.

Проводив Рандольфа, он тут же вернулся обратно к Анне Андреевне. Они проговорили до утра. Их ночной разговор показался Ахматовой сиянием перекрёстных радуг.

Эта встреча круто изменила и без того трудную жизнь Анны Андреевны. Против неё была поднята кампания лжи и клеветы. Сталин, узнав, что она осмелилась без разрешения властей встречаться с иностранцем, был разгневан: «Оказывается, наша монахиня принимает визиты иностранных шпионов!»

Вскоре после отъезда Исая Берлина (январь 1946 года) в Лондон в квартире Ахматовой был установлен микрофон (скорее для устрашения, чем для подслушивания), а в подъезде введена пропускная система. На столе у Ахматовой появились большие часы, и она отмечала на пропуске время ухода её гостей. Просто так к ней попасть было уже нельзя. Да ещё на пресловутой скамейке под окном — всегда сидящий шпик.

А ещё через несколько месяцев, в августе 1946 года, состоялось приснопамятное идеологическое совещание, на котором Жданов выступил с публичным разнесом её творчества. Он грубо назвал её, почти шестидесятилетнюю, так: «Не то монахиня, не то блудница, а вернее, блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой».

Анну Андреевну исключили из Союза писателей, а значит — лишили продовольственных карточек (в то время это было равносильно обречению на голодную смерть). Несколько лет её вообще не печатали, рассыпали набранную книгу, позорно выгоняли из квартиры знаменитого дома на Фонтанке...

В стихах, написанных в XIX веке, господствовала тема встречи. В стихах, написанных в XX, становится реальностью не встреча. С какой силой воспела Ахматова (большой цикл стихов «Шиповник цветёт» из «Сожжённой тетради») не встречу!

Мне с тобою как горе с горюю...
Мне с тобой на свете встречи нет.

Написано это 15 февраля 1946 года. Исая Берлин не мог не попрощаться с Ахматовой, когда уезжал из Советского Союза в Англию. Он специально поехал через Финляндию, а значит, через Ленинград. Они встретились пополудни 5 января 1946 года, а может быть, вместе отпраздновали любимое Анной Андреевной Рождество...

А потом — десять лет длилась «таинственная не встреча»:

Таинственной не встречи
Пустынны торжества,
Несказанные речи,
Безмолвные слова.

В августе 1956 года Исая Берлин приехал в Москву. Ему так хотелось с ней увидеться! Но долгожданная встреча не состоялась. Ахматова боялась за сына, только что вернувшегося из очередной ссылки, боялась даже телефонных звонков. «Разговор» с ним шёл через Бориса Пастернака. Можно понять, какую тоску она испытала... Вот тогда-то и полились стихи о последней не встрече:

Сюда принесла я блаженную
память
Последней не встречи с тобой —
Холодное, чистое, лёгкое пламя
Победы моей над судьбой.

В свои семьдесят она снова говорит о любви. С такой энергией, с такой нерастраченно-

стью душевных сил, что кажется, будто она победоносно выходит из своего времени в вечность. Выходит прорицательницей, мудрой провозвестницей «Бессмертной любви»... Всё начиналось у неё с любви, и всё кончается ею.

Встреча с Исайей Берлиным всё же состоялась. В Оксфорде, 1 июня 1965 года. Сколько было длинных, по несколько часов в день, бесед! Анна Ахматова приехала в Лондон на церемонию вручения ей Диплома почётного доктора литературы, *honoris causa*. Конечно, этому торжественному церемониалу, когда мир смог увидеть в амфитеатре Оксфордского университета величественную Ахматову в докторской мантии, предшествовала длительная работа лорда Исаяи Берлина. Как бы ни трудна была эта величественная дружба, эти долгие, почти нереальные отношения, они поддерживались письмами из Лондона. Берлин готовил с Ахматовой её докторскую речь, которая была напечатана на Западе. Он хлопотал и о Нобелевской премии. Но — не всё было в его власти.

Она побывала в Лондоне и Париже. Побывала на родине Шекспира, увидела Атлантику, британское сумрачное небо, своё изображение в мозаике лондонского метро, сделанное Борисом Анрепом. Увиделась с друзьями юности, с тем же Борисом Анрепом, Сергеем Маковским, Юрием Анненковым... Это была долгожданная радость и заслуженная победа!

Вскоре после приезда в Москву она заболела — четвёртый инфаркт. Пролежала несколько месяцев в Боткинской больнице. Затем поехала с другом Ниной Антоновной Ольшевой в кардиологический санаторий «Домодедово». Поначалу чувствовала себя хорошо. Диктовала письма, распорядилась, кому отослать последние экземпляры «Бега времени». А утром 5 марта 1966 года её не стало.